

18+

МАРАТ ВАЛЕЕВ

Краснотурьинские рассказы

Марат Валеев

Краснотурьинские рассказы

«Издательские решения»

Валеев М.

Красноурьинские рассказы / М. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511512-6

В этом городе, где родился, я прожил в общей сложности всего три или четыре года. Но все равно при этом считаю себя коренным красноурьинцем и люблю этот чистенький и уютный североурьинский городок с его такими же, как в Санкт-Петербурге белыми ночами и почти такой же архитектурой. И вот что я подумал: а почему бы мне не поделиться немного своими воспоминаниями о Красноурьинске той поры, когда он как город был еще довольно молод, а я так вообще пацаном? Что я с удовольствием и делаю.

ISBN 978-5-00-511512-6

© Валеев М.

© Издательские решения

Содержание

За ёлкой	7
Мой Краснотурьинск	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Краснотурьинские рассказы

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2020

ISBN 978-5-0051-1512-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Краснотурьинск я открывал для себя заново. Я ведь вырос в деревне, и этот на самом деле хотя и небольшой, но сплошь заасфальтированный городок с его трех-пятиэтажными домами, разбегающимися от центральной полукруглой площади Ленина по радиальным улицам в разные стороны, с весело тренькающими сигнальными звонками трамваями, с уютными зелеными бульварами и аллеями, изу-

мительно пахнувшими после дождей, с магазинами, в которых тогда еще было все, казался мне настоящим мегаполисом».

За ёлкой

В конце пятидесятых, осенью, мои родители почему-то сорвались с места – мы тогда только начали обживать в целинном Казахстане, да, видать не совсем удачно, – и уехали на северный Урал, в Краснотурьинск.

Там жили наши родственники, причем папин двоюродный брат был женат на маминой старшей сестре. У них была просторная трехкомнатная квартира в двухэтажном каменном доме, в которой они нас временно и приютили. Помню, что их там самих было четверо (родители и две дочери, мои кузины), да нас столько же – у меня был еще и младший брат. Но жили, что называется, хоть и в тесноте, да не в обиде.

Приближался новый, 1959-й год. Не знаю, откуда я знал про новогоднюю елку – в своей деревенской школе на ней еще не успел побывать, потому что только начал учиться в первом классе, а здесь, в Краснотурьинске, меня в школу почему-то не устроили, – но вот знал, и все тут. Скорее всего, из запавших в детскую мечтательную душу картинок букваря.

Побывать на елке в городской школе, в которой учились мои сестренки, мне вряд ли довелось бы. Но, может, хотя бы дома наши общие родители поставят красавицу-елку и украсят ее, как полагается, всякими блестящими и разноцветными игрушками?

– Нет, – говорили мне взрослые. – Зачем? Не до елки нам. Да и никогда не ставили ее.

Я не находил поддержки ни у своих папы и мамы, приходивших с работы усталыми и раздраженными, ни у родителей кузин, тоже замороченных своими взрослыми делами. И я загрустил. Уж очень хотелось мне похороводиться вокруг разукрашенной елки со своими сестренками. А детская мечта, если кто помнит, она практически неотвязная.

Но где ее взять, эту елку, коль взрослые равнодушно отнеслись к моей идее-фикс и совершенно не горели желанием раздобыть лесную красавицу, а уж тем более взгромоздить ее посредине квартиры.

И тут я додумался, где можно раздобыть елку, причем самому. Дом наших родственников стоял почти на самой набережной водохранилища, образованного плотиной на небольшой реке Турья. А на той стороне замерзшей и заснеженной запруды, на расстоянии всего нескольких

сот метров от нашего дома, на фоне белого снега четко зеленели островерхие ели. Точно такие, как на картинке в букваре, только без украшений. Дело оставалось за малым. То есть за мной.

Пока сестренки были в школе, мне разрешали гулять во дворе самому, потому что дома всегда находился кто-то из взрослых (они работали в разные смены), вот он-то и приглядывал за мной. И я заранее нашел в кладовке ножовку и припрятал ее под обувной шкафчик. А в один из последних декабрьских дней, уходя на очередную прогулку по двору, я прихватил инструмент с собой. Тогда дома «дежурил» дядя Карим, и к своим обязанностям он относился спустя рукава, считая, что парень я достаточно взрослый и сам смогу позаботиться о себе.

День этот был довольно стылый – как-никак, северный Урал, – и снег отчаянно скрипел под моими валенками, а мороз сразу принялся покусывать нос и щеки. Но это меня не пугало – я уже успел познакомиться с морозами в Казахстане, на Иртыше. И лишь поплотнее подвязал шарф, поглубже засунул руки в вязаные варежки, и, помахивая сверкающей на солнце ножовкой, бодро направился прямо к темнеющей за белым полотном замерзшего водохранилища зубчатой кайме хвойного леса.

Это белое снежное полотнище под разными углами пересекали несколько протоптанных тропинок, и по ним передвигались редкие фигурки людей – кто-то шел туда, к лесу, а кто-то уже и обратно, и можно было разглядеть, что они несут на своих плечах елки. Это меня вдохновило – значит, мой план вполне осуществим!

Я спустился с набережной и, выбрав одну из кратчайших, на мой взгляд, тропинок, пошел на ту сторону водохранилища. Несмотря на морозный день, очень скоро мне стало даже жарко; весь заиндевелый от моего горячего дыхания шарф уже сполз с носа и болтался где-то на шее, ноги стали гудеть от усталости – в валенках, да еще на размер больше, на дальние расстояния передвигаться не так-то просто.

Наконец, я пересек водохранилище, поднялся, оскальзываясь, на невысокий берег. Лес с зеленеющими соснами и елями, был совсем рядом, метрах, может быть, в десяти-пятнадцати. Россыпь одиночных следов и узенькие колеи протоптанных в снегу тропинок указывали на то, что он очень активно посещается горожанами.

Вот прямо на меня вышел большой такой дяденька в телогрейке и шапке с опущенными ушами, в мохнатых унтах. Он валко шел по тропинке мне навстречу, дымя свисающей из уголка рта папиросой. На плече у него лежала пушистая елка.

Проходя мимо, он хмыкнул, критически осматривая меня:

– Ты чё, пацан, сам, что ли, пришел сюда?

– Сам! – независимо ответил я, стараясь не шмыгать предательски хлюпающим носом – простуду уже, похоже, подхватил.

– Ну-ну, – выплюнув окурок в снег, сурово сказал дяденька. – Смотри, не околеет тут. Сегодня почти тридцать мороза.

Он поправил елку на плече, и потопал себе дальше. Но мне пока еще не было холодно. И я уже наметил себе елочку – немного выше меня ростом, вся такая стройная и с кокетливыми снежными пуфиками на узеньких покатых плечах, она застенчиво выглядывала из-за голого светло-желтого ствола большой сосны, ветки на которой начинались очень высоко.

Я сошел с тропинки и тут же по колено провалился в снег, испещренный редкими следами чьих-то лап и лапок, звериных и птичьих. Идти было тяжело, но желанная елочка – вот она, совсем рядом, и я упрямо поплыл к ней по глубокому снегу.

Валенки у меня были хоть и высокие, но широкие в голенищах, и я чувствовал, что загребаю ими снег внутрь, и вот он уже начинает таять под вязаными носками, носки промокают, и подошвы мои начинают чувствовать холодную влагу. Но это ничего, главное, я уже дошел до выбранной мной пушистой красавицы!

Увидев меня, с заснеженной елочной ветви вспорхнула красногрудая птица, я еще подумал: вот бы хорошо было, если бы она осталась, какое это было бы замечательное украшение!

Да, кстати, а чем же мы будем украшать мою елочку, когда я принесу ее домой? Если мои родственники ее никогда не ставили, значит и елочных игрушек у них нет? Я как-то об этом не подумал... Ну да ладно, главное, поставить елку, а украсить чем найдем! У моих двоюродных сестриц, я видел, полная коробка разноцветных фантиков, есть куклы, большие и маленькие, полно красивых бантов, так что разберемся!

Но сначала надо спилить мою красавицу. Елочка утопала в снегу, и ее нижние ветви почти лежали на белоснежном покрове. Чтобы подобраться к стволу деревца, мне пришлось руками выгрести из-под ее хвойных лап снег и утоптать для себя рабочую площадку.

И вот я, наконец, встав на коленки под елкой (она сопротивлялась и норовила заехать своими колючими ветвями мне в лицо, залезть за шиворот), стал елозить стальными зубцами ножовки по чешуйчатому стволу. Но сил моих явно не хватало, чтобы сделать запил. И я тогда второй рукой ухватился за полотно ножовки, стал надавливать на нее, и дело пошло живее. Из-под зубцов инструмента стали сыпаться белые сырые опилки. Их становилось все больше и больше, а ножовка грызлась в ствол все глубже.

Я сопел, пыхтел, сморкался, елозил коленками по стылой земле, останавливался, чтобы хоть с полминуты отдохнуть, и снова принимался дергать ножовку туда-сюда. И вот елка закачалась, закачалась, послышался легкий треск, и деревцо медленно свалилось на снег, оставив после себя маленький пенек с заостренной щепочкой на месте слома. И я с удивлением подумал: до чего же ствол тоненький, а я пилил его так долго, как какой-нибудь лесоруб большое толстое дерево.

Я обошел елочку вокруг и с удовлетворением отметил, что она целая, это потому, что упала в глубокий снег и ветви ее спружинили, только немножко просыпала своих маленьких зеленых колючек.

Что ж, осталось в такой же сохранности донести ее домой. Взять елку на плечи, как давешний дядька, и не помышлял – это мне по силам. Остается только волочить ее за собой. Что я и сделал: обхватил крепко конец ствола двумя руками, и поволок из леса по своим следам к утопанной тропинке, а по ней уже спустился на наснеженный лед водохранилища, и бодро потопал к виднеющемуся на той стороне, тогда еще многоэтажному, Краснотурьинску с сизыми дымками над крышами домов и толстыми дымными столбами из каких-то высоких труб.

Там было тепло, уютно, там, на кухне в квартире моих родственников, всегда на столе стоит чашка с теплыми оладушками или блинами, чайник фырчит на газовой плите. Как мне захотелось в тепло! А все потому, что ноги мои и руки в сырых валенках и варежках начали коченеть. Волочащуюся за мной с негромким шуршанием елку уже трудно было удержать, и она все норовила вырваться из моих плохо гнущихся в промерзших варежках пальцев. А противоположный берег приближался очень медленно. Наверное, потому, что я шел все время то задом, то боком, по-другому тащить елку никак не получалось.

Изредка идущие навстречу или обгоняющие люди (хождение через водохранилище было довольно активным) смотрели на меня с удивлением и сочувствием, кто-то даже предлагал свою помощь. Но я упрямо мотал головой, хотя по лицу уже начали скатываться злые слезинки отчаяния, и я продолжал волочить свою елку, изредка вскидывая голову и замечая, что городская набережная, хоть и медленно, но все увеличивается в размерах, и я даже увидел свой желтый дом с балконами на втором этаже.

А когда я догадался размотать свой длинный шарф и привязать его одним концом к стволу елочки, а другой намотать на руку и тащить елочку, как собачку на поводке, дело пошло куда веселее. Но тут, когда у меня одна рука оказалась свободной, я обнаружил, что в ней чего-то не хватает. Ножовка! Я ее оставил там, где спилил елку. Дядя Карим потом, конечно, хватится своего инструмента, и выговор мне обеспечен. Но возвратиться обратно было бы свыше моих сил – набережная вот она, осталось преодолеть каких-то полста метров.

А у меня уже зуб на зуб не попадал от холода. И я махнул рукой на эту пилу – потом, может, схожу за ней, если меня вообще будут выпускать из дома, – и поволок свой лесной трофеей дальше, к городу.

Когда я наконец добрался к медленно приближающейся набережной и стал взбираться наверх, то поскользнулся и скатился вниз вместе с елкой. И, кажется, обломал ей кое-какие ветки. Погоревал, но немного: деревцо еще вполне имело товарный вид. И снова стал упрямо карабкаться вверх – я ведь был уже почти дома.

Втащить елку в город мне все же помогли – какая-то тетенька, шедшая по своим делам вдоль набережной, увидела, как я карабкаюсь по откосу водохранилища, всплеснула руками, заохала, спустилась ко мне и, крепко взяв за руку в обледенелой варежке, потащила меня наверх.

Я не догадался даже сказать ей «спасибо», да и вряд ли смог бы произнести хоть слово – губы у меня заоченели и плохо подчинялись. Я лишь благодарно посмотрел в соболезнующее лицо своей спасительницы, и, устало переставляя валенки, поволок елку под арку, ведущую в наш двор.

Деревцо я оставил у подъезда – дверь была на пружине, и я сам не смог без повреждений втащить свою пушистую ношу к нашей лестничной площадке на первом этаже. Хотя она, бедная, и без того пострадала: нижние ветви, на которых елочка волочилась за мной на привязи, потеряла часть своих иголок.

Я постучал в дверь, но она вдруг подалась и сама открылась. Из глубины квартиры тут же вышел дядя Карим.

– Вот он, заявился! – закричал дядя Карим. За ним в прихожую вышла и мама. Она держалась за сердце.

– Ты где был? – слабым голосом сказала мама.

В тепле квартиры мои заоченевшие губы тут же отошли и смогли вымолвить:

– За елкой ходил. Она там, на улице...

– За какой еще елкой? – вытаращил глаза дядя Карим. – Куда ходил?

– В лес...

– В лес... – эхом повторила мама, и тоже округлила глаза. – В какой лес?

– Вон туда, – махнул я рукой в сторону водохранилища, стуча зубами – хотя в квартире было очень тепло, но я продрог настолько, что меня по-прежнему колотил сильный озноб. – Дядя... дядя Карим, за... занесите елку, а?

Дядя Карим что-то буркнул сердито, и как был – в тапочках, вышел за дверь. Через минуту он уже затащил в прихожую и прислонил в угол мою потрепанную, немного осыпавшуюся, с двумя или тремя надломанными и безвольно повисшими ветками, но все еще красивую и стройную, елку. Иголки ее тут же начали покрываться росинками от таявшего снега, будоражуще запахло хвоей.

– Как же ты мог сам уйти? – продолжала заламывать руки моя бедная мама. – Ты понимаешь, что ты мог замерзнуть?

Отец обедал обычно на работе, да и сестренки из школы не пришли, так что более крупных разборок из-за самовольного похода за елкой и позора из-за мокрых штанов мне, пожалуй, удастся избежать. А мама что... поворчит и перестанет, на то она и мама.

– Рая, я и не думал, что он куда-нибудь со двора уйдет, – виновато сказал дядя Карим. – Ну, гуляет и гуляет, как всегда. А потом вижу, чего-то долго не возвращается. Я во двор, а его нигде нет... Я туда, сюда – нету. А он вон куда намылился! Додумался же, а? Ну, и что нам с ней делать, с этой твоей елкой?

– Поставить ее в комнате и нарядить, – подсказал я дяде Кариму.

– Да подождите вы с елкой, надо же ребенку раздеться сначала, он уже весь мокрый от снега, – запричитала мама, и тут же, усадив меня на табуретку, стала расстегивать на мне пальтецо, стаскивать валенки...

Скоро я, выкупанный в теплой воде с горчичным порошком и докрасна растертый полотенцем, сидел на кухне и пил горячий чай с малиной. А дядя Карим хлопотал с елкой, устанавливая ее в центре самой большой комнаты.

Он, конечно, хватился ножовки, когда взялся сооружать крестовину. И даже не упрекнул меня, когда узнал, что я потерял ее в лесу («Ладно, ладно, племяш, хоть сам вернулся жив-здоров!»), а попросил инструмент у соседей.

Тут и девчонки из школы пришли. Сколько было радостного визга, когда они увидели елочку, расправившую все свои пушистые и не очень ветви (сломанные дядя Карим как-то подвязал) посреди гостиной! Они, даже не переодевшись, тут же бросились ее украшать фантиками из своей коллекции, ватными «снежинками», разноцветными лентами бантов. А пришедшая к вечеру с работы тетя Ася вытащила припрятанные к Новому году шоколадные конфеты и позволила немалую часть их также развесить на елке.

И, конечно же, в центре внимания в тот вечер была не только елка...

Мой Краснотурьинск

В этом городе, где родился, я прожил в общей сложности всего то ли три, то ли четыре года. Но все равно при этом считаю себя коренным краснотурьинцем, и люблю этот чистенький и уютный североуральский городок с его такими же, как в Санкт-Петербурге белыми ночами, и почти такой же архитектурой. И вот что я подумал: а почему бы мне немного не поделиться своими воспоминаниями о Краснотурьинске той поры, когда он как город был еще совсем молод, а я так вообще пацаном?

После войны в этот бурно расстраивающийся молодой североуральский город «понаехало» немало татар – очень голодно было после войны в Поволжье. Ну, как это бывает: приехал один, устроился, осмотрелся, вроде ничего. Поташил за собой семью. Там еще родственники подтянулись. Так и образовалась в Краснотурьинске целая татарская даиспора.

Ту, первую часть своей краснотурьинской жизни, я помню очень смутно.

Краснотурьинск, 1952 год, я с родителями.

Отец работал на Богословском алюминиевом заводе, мама, помимо того, что растила и по возможности холила меня, где-то мыла полы и подторговывала жареными семечками. Поэтому я нередко был предоставлен самому себе и носился по рабочему кварталу с такими же сорванцами, один раз чуть не утонул в Турьинском водохранилище, никак не мог выбраться на берег по скользкому бетонному откосу, пока меня за руку не вытащил пацан постарше.

Потом город подступил к баракам, в одном из которых мы и жили (а до нас, говорят, военнопленные немцы, строившие под конвоем Краснотурьинск), они попали под снос. Всех

их обитателей выселили (отец, помню, схватил лом и никого не хотел подпускать к нашей комнате, но выселять-то пришли с милицией...) практически в никуда.

После этого судьба занесла нас в Казахстан, на целину, где наша семья и осела окончательно. Но в 1968 году я самостоятельно вернулся в Краснотурьинск – разумеется, с благословения родителей. Закончил девять классов, и учиться больше не захотел, хоть тресни. Возжелал, понимаете, взрослой самостоятельной жизни, да и деревня надоела мне до чертиков.

Устроился бетонщиком на завод ЖБИ, в бригаду к своему дяде. Работа моя, надо признаться, была все же нелегкой – ныли руки, выкрученные булавой, гудела спина. Но я быстро к этому привык (деревенского пацана физическим трудом не смутить), и вскоре самозабвенно начал предаваться всем утехам холостой бесшабашной жизни, вдали от родителей.

Краснотурьинск я открывал для себя заново. Я ведь вырос в деревне, и этот на самом деле хотя и небольшой, но сплошь заасфальтированный городок с его трех-пятиэтажными домами, разбегающимися от центральной полукруглой площади Ленина по радиальным улицам в разные стороны, с весело тренькающими сигнальными звонками трамваями, с уютными зелеными бульварами и аллеями, изумительно пахнувшими после дождей, с магазинами, в которых тогда еще было все, казался мне настоящим мегаполисом.

А какие девчонки в первых мини-юбочках гуляли тогда по главной городской улице Ленина («бродухе», как называли ее некоторые краснотурьинцы) – я по первости краснел, потел, но глаз от их стройных ножек оторвать не мог! В общем, для меня этот город был наполнен соблазнами, и я, чтобы мне никто не мешал, не стоял над душой с нравоучениями, быстренько, той же осенью перебрался с дядяшиной квартиры в рабочее общежитие на углу улиц Чкалова и Фрунзе. А рядом с нашим общежитием размещалось женское. Надо ли говорить, насколько приятным было такое соседство! Впрочем, вахтеры свирепствовали и там и тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.